

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА

В статье рассматривается проблема формирования семантики терминов в истории становления русской юридической терминологии. Исследована роль дефиниции и родовидовых отношений терминов в терминологической системе в формировании терминов с экстенциональным и интенциональным типами значений, а также многозначных номинативных единиц. Рассмотрены прагматические, идеологические и аксиологические факторы, участвующие в формировании семантики юридических терминов.

Исследователи разнообразных разрядов терминологической лексики согласны с тем, что специфику термина необходимо искать преимущественно в сфере семантики, т.к. по своим формальным характеристикам термин, слово и сверхсловные единицы обнаруживают общие свойства (фонетическую оформленность, непроницаемость, лексико-грамматическую соотнесенность у слова и термина-универба, разнооформленность и различную степень сложности у словосочетаний и т.д.). Иногда основой противопоставления слова и термина служит утверждение, что терминологичность как языковое семантическое явление проявляет тенденцию к сближению с логическим понятием. «Терминологичным, – считает Б. А. Плотников, – в обычном слове является то, что А. А. Потебня назвал «дальнейшим значением» слова, т.е. специальные знания о денотате, названном тем или иным словом. Значение слова не делится на «ближайшее» и «дальнейшее», оно в этом плане едино» [1].

С. В. Гринев выделяет разные варианты соотношения лексического и понятийного значений («ближайшего» и «дальнейшего») терминов: 1) полное их совпадение (*водосток, каменщик, арочный мост*); 2) отсутствие лексического значения у заимствованных терминов (*крип, цемент*); 3) осложненные случаи соотношения понятийного и лексического значений, наблюдаемые при полисемии, синонимии и т.д. [2].

А. С. Герд полагает, что «терминологические значения возникают в результате обозначения словом научного понятия и представляют собой один из типов лексических значений слова», хотя «значение термина (выраженное в форме его определения) никогда не передает всех признаков научного понятия, которое всегда шире этого значения и потому никогда с ним не совпадает» [3]. Для того чтобы пояснить это положение, рассмотрим словарную статью с заглавия «залогодатель» в энциклопедическом юридическом словаре: «**Залогодатель** – по гражданскому законодательству РФ должник по обеспеченному залогом обязательству или третье лицо, которым заложенное имущество принадлежит на праве собственности или на праве хозяйственного ведения. Залогодателем права может быть лицо, которому принадлежит закладываемое право. Залог права аренды или иного права на чужую вещь не допускается без согласия ее собственника или лица, имеющего на нее право хозяйственного ведения, если законом или договором запрещено отчуждение этого права без согласия указанных лиц. Залогодатель несет риск случайной гибели или случайного повреждения заложенного имущества, если иное не предусмотрено договором о залоге» [4].

В данном тексте выделяется собственно дефиниция термина – «по гражданскому законодательству РФ должник по обеспеченному залогом обязательству или третье лицо, которым заложенное имущество принадлежит на праве собственности или на праве хозяйственного ведения», а также дополнительные сведения, не входящие в понятие, выражаемое термином *залогодатель*. Эти дополнительные сведения представляют собой непонятные семы – лексический фон термина, которые не входят в его значение. Вместе с понятными семами они составляют *концепт*, который является семантической двухуровневой сущностью, включающей в себя понятные и непонятные доли.

Специфика семантики термина особенно четко проявляется при сопоставлении позиции слова, когда оно употребляется как терминологически, так и нетерминологически. В этом случае Н. З. Котелова выделяет три варианта такого соотношения: 1) тождество значения слова в терминологическом и нетерминологическом употреблении; 2) более широкое или, что чаще, узкое значение термина по сравнению со значением общеупотребительного слова; 3) терминологическое значение не принадлежит литературному языку [5, с. 42].

Выше уже отмечалось, что первый тип соотношения слова и термина невозможен в современной терминологии в связи с тем, что, попав в терминосистему, общелитературное слово развивает специфические системные связи с другими терминами и неизбежно изменяет свое значение и концептуальное содержание, хотя этот процесс не всегда адекватно отражается в кодифицированных определениях. Однако в период возникновения древнерусской юридической терминосистемы первый вариант соотношения слова и термина был возможен, что отражало низшую ступень терминологизации слова. Следовательно, терминологическое значение в современной терминосистеме может быть близким общезыковому, хотя и не тождественно ему. Такое положение особенно ярко проявляется в юридической терминологии и заметно на протяжении всей истории ее формирования при терминологизации слов общего употребления (*убийство, драка, небрежность, вещь, ущерб* и т.д.).

В основе значения любого знаменательного слова (термина и нетермина) лежит понятие, причем часто одно и то же. Терминологические значения в указанных примерах отличаются от лексических значений слов определенным уровнем специализации.

Так, включение слов и словосочетаний, возникших в быденном дискурсе, в формулировку норм права в качестве гипотезы, диспозиции, санкции часто свидетельствует о приобретении ими терминологического значения. Это можно видеть на примере легализации ветхозаветной заповеди в древнерусском праве: «Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей» [Левит, гл. 19, ст. 27].

Эта статья в Краткой редакции Устава князя Ярослава была сформулирована следующим образом: «Аже пострижеть голову или бороду, епископу 12 гривен, а князь казнить» [6].

В этом случае действие, выражаемое глаголом *постричи*, воспринимается не только как грехопадение, но и как правонарушение, наказуемое определенным образом.

Специфика семантики термина часто понимается как закреплённость его значения в дефиниции. Однако лингвисты, исследующие различные тер-

миносистемы, все чаще приходят к убеждению, что далеко не все терминологические единицы обязательно имеют раскрывающую их значение дефиницию. Р. Ю. Кобрин справедливо заметил: «Утверждая, что термин – это то, что имеет дефиницию, т.е. содержится в соответствующих словарях и справочниках, мы ограничиваем круг терминологии без достаточных на то оснований единицами соответствующего метаязыка, субъективно выделенными авторами толковых и иных терминологических словарей, отнюдь не представляющими метаречь достаточно адекватно» [7]. Иногда отсутствие определения у стандартизованного термина называют «нулевой» дефиницией, присущей самодостаточным терминам, т.е. единицам, у которых существенные признаки понятия содержатся в их буквальном значении. Таким образом, подчеркивается, что терминологическое и нетерминологическое значения часто очень близки. Тем не менее, отсутствие у термина дефиниции – это недостаток терминосистемы, который должен быть преодолен в процессе упорядочения терминосистемы.

Но поскольку юридическая терминология в своем становлении прошла два этапа (донаучный и научный), а также в связи с тем, что в ней объективно присутствуют дефинированные и недефинированные термины, следует, видимо, признать, что и соотношение терминологического и нетерминологического значений может быть различным, что дает возможность оценивать терминологичность как некоторое семантическое качество, характеризующее большей или меньшей степенью. Таким образом, вряд ли можно согласиться с тем, что онтологической основой термина, т.е. основной формой существования реальных терминов, является дефиниция. Наличие у термина дефиниции, закрепляющей терминологическое значение за языковым знаком, можно считать лишь более высоким уровнем проявления терминологичности. Но и дефиниция соотносится с формальным, а не с содержательным понятием. Видимо, именно отсутствие дефиниции у ряда юридических терминов породило порядок, при котором термин, как и закон, подлежит различным видам толкования.

В связи с отмечавшимся ранее и распространенным в терминоведении утверждением, что термин обязательно должен иметь четкую и строгую дефиницию, он определяется как конвенциональная единица. При этом подчеркивается, что термин конвенционален вдвойне: во-первых, потому, что условны как наименование, так и содержание знака-термина, во-вторых, «наименование и содержание могут быть конвенционально лишь принятыми (возникнув, сложившись стихийно), и наименование, и содержание могут быть конвенционально установлены, избраны» [5, с. 124]. По мнению Н. З. Котеловой, субъективное начало в употреблении и образовании термина, такая его условность, изменяет характер существования термина в языке и отличает его от других слов.

Исходя из классификации терминов юристами, которые считают терминами далеко не однородные единицы, можно сказать, что термин имеет как субъективный, так и объективный характер. Например, использование общелитературных слов свидетельствует об объективном характере терминологической системы, которая вынуждена инвентаризировать понятия, отражающие действительность, независимо от воли законодателя, т.к. существует объективная необходимость в регулировании тех или иных процессов, действий, явлений повседневной жизни. С другой стороны, субъективизм

юридических классификаций проявляется в произвольных теоретических или волевых основаниях классификации правовой действительности.

Такое сложное соотношение конвенциональности одних юридических терминов и обусловленности других экстралингвистическими факторами проявляется в характере определений терминов, которые подразделяются на описательные (казуистические), перечневые и родовидовые [8, с. 92]. Последние чаще называют классификационными.

Определение термина при помощи перечня лиц, действий и т.д. – довольно характерный вид дефиниций для юридической терминологии. Такой способ определения термина свидетельствует о расплывчатом характере значения термина, т.к. при этом происходит расчленение понятия. Ср. определение термина *вандализм* в действующем Уголовном кодексе РФ: «Осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах» [9].

Многие термины в законе получают описательные дефиниции, особенно часто встречающиеся у составных терминов. Ср.: *конфиденциальность полученной сторонами информации* – «Если сторона, благодаря исполнению своего обязательства по договору подрядчика, получила от другой стороны информацию о новых решениях и технических знаниях, в том числе не защищаемых законом, а также сведения, которые могут рассматриваться как коммерческая тайна (статья 139), сторона, получившая такую информацию, не вправе сообщать ее третьим лицам без согласия другой стороны» [10].

Примером классификационного определения может служить дефиниция термина *допрос*: «В уголовном процессе следственное действие, представляющее собой опрос лица по поводу юридически значимых фактических обстоятельств дела» [11]. В этой дефиниции выделяется классификационная сема «следственное действие» и ряд дифференциальных сем, служащих основой видового отличия допроса от других видов судебных действий.

Построение определений через ближайший род и видовое отличие считается идеальной формой дефиниции. Такие дефиниции как нельзя лучше соответствуют предъявляемому к значению термина критерию точности. Но даже такие попытки иногда приводят к расплывчатости значений юридических терминов. Ср.: *умысел* – «одна из форм вины», *неосторожность* – «одна из форм вины» [12]. В этом случае не ясно, чем отличается одна из форм вины от другой, т.к. в дефинициях, если их вообще можно так назвать, не указаны дифференцирующие признаки. Сам родовый термин *вина* толкуется как «психическое отношение лица к своему противоправному поведению (действию или бездействию) и его последствиям» [12]. Если учитывать, что «психическое отношение лица к своему противоправному поведению» – чисто субъективный фактор, то данная категория вообще представляется довольно расплывчатой. Таким образом, строгость, точность значения не могут считаться характерными признаками юридических терминов.

Обсуждая мнение С. С. Алексеева о том, что главной причиной появления дефиниций было стремление внести необходимую точность и ясность в используемую законодателем терминологию, В. М. Савицкий приходит к выводу о том, что, «если термин ясен сам по себе, по своей внутренней форме, не нужно никакого его специального определения...» [8, с. 90].

Таким образом, с семантической точки зрения реально функционирующие юридические термины неоднородны. Среди них можно выделить: 1) тер-

мины, обладающие интенциональным типом значения (*сервитут, наказание*), в котором закреплены качества или свойства, составляющие внутреннее содержание слова, т.е. его сигнификация; 2) термины с экстенциональным типом значения, в котором более четко проступает денотативное значение в силу того, что в нем закрепляется не содержание понятия, а его объем, представляющий множество вещей, денотатов, с которыми соотносится понятие.

Экстенциональным значением обладают термины, употребляемые в широком и узком значениях. Например, термин *защитник* в широком значении обозначает и адвоката, и общественного защитника, и близких родственников обвиняемого; в узком значении этот термин означает лишь общественного защитника. Подобный тип значения присущ терминам, в семантической структуре которых заложена альтернатива, способствующая его ситуативному употреблению, а также многозначным терминам. Альтернатива содержится в дефинициях ряда юридических терминов: *преступление* – «общественно опасное деяние (действие **или** бездействие), посягающее на личность, конституционный строй РФ, а также на иные охраняемые законом объекты» [14]; *заведомо ложное показание* – «умышленное сокрытие фактов сознательным искажением истины свидетелем **или** потерпевшим в суде **либо** в процессе предварительного следствия»; *подлог* – «преступление, заключающееся в подделке подлинных **или** в составлении фальшивых документов»; *плагиат* – «умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы **или** искусства в целом **или** в части» [11] (выделено мной – С. Х.).

Характер соотношения интенционального и экстенционального типов значений в общелитературной лексике и в терминологии различен. В терминологии интенция слова увеличивается вследствие уточнения и специализации его значения, тенденции к однозначному употреблению слова. Соответственно в терминологии сокращается экстенция слова – круга предметов, к которому оно приложимо [13, с. 124]. Так, под термином *оговор* в праве понимают не любое ложное обвинение или клевету, а лишь «показание обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, свидетеля, ложно изобличающее другое лицо в совершении преступления» [11]. И все же термины с экстенциональным типом значения довольно многочисленны в юридической терминологии.

Несмотря на тенденцию к развитию однозначности, которую следует рассматривать как проявление терминологичности, в современной юридической терминологии отмечается ряд многозначных терминов. Ср.:

законодательство: 1) «один из основных методов осуществления государством своих функций, заключающийся в издании органами государственной власти законов»; 2) «совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в целом, или один из видов общественных отношений (гражданское З., уголовное З. и т.д.)» [11];

лицензия: 1) «выдаваемое специально уполномоченным органом государственного управления или местного самоуправления разрешение на осуществление видов деятельности, которые в соответствии с действующим законодательством подлежат лицензированию (например, банковской, частной медицинской, издательской)»; 2) «разрешение на использование изобретения, промышленного образца, полезной модели или другого технического достижения, предоставляемое на основании лицензионного договора либо судебного или административного решения компетентного государственного органа» [14].

Однако следует согласиться с мнением Е. Н. Толикиной, которая считает, что появление у термина нескольких значений свидетельствует не о семантическом, а об ономасиологическом изменении знака [14].

Часто один и тот же термин употребляется с разными значениями в различных отраслях права. Например, термин *залог* имеет разные значения в гражданском праве и в уголовном процессе; термин *заочное рассмотрение дела* – в уголовном и гражданском процессах. Такого рода полисемию можно рассматривать как внутрисистемную отраслевую многозначность, ограниченную отношением термина к тому или иному терминологическому макрополю, т.е. термин однозначен в пределах одного терминологического поля права.

Многие термины права развивают прагматическое значение в сфере функционирования, становясь объектом казуального толкования. Прагматические значения терминов правоведения связаны с их доктринальным толкованием. Однако в сфере фиксации (законодательных актах, кодексах, терминологических словарях) термины права лишены прагматического значения, т.к. толкование, заключенное в них, носит обязательный характер.

Значения ряда юридических терминов могут включать в качестве постоянного компонента идеологический. Так, в русской юридической терминологии в советский период ее развития возник идеологический компонент в значении терминов – классовость понятий. Например, термин *государство* определялся следующим образом: «основной институт политической системы классового общества; осуществляет управление обществом, а в классово антагонистических обществах используется для подавления классовых противников экономически господствующего класса» [12]. Ср. современное определение данного термина в словаре: «определенный способ организации общества, основной элемент политической системы, организация публичной политической власти, распространяющаяся на все общество, выступающая его официальным представителем и опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения» [11]. В данном определении семантический компонент «классовость» исчез. Однако в доктринальном толковании термин *государство* иногда сохраняет эту сему по сей день: «Государство – это организация политической власти, необходимая для выполнения как сугубо классовых задач, так и общих дел, вытекающих из природы всякого общества» [15]; «Государство – это организация политической власти, содействующая преимущественному осуществлению конкретных интересов (классовых, общечеловеческих, религиозных, национальных и т.п.) в пределах определенной территории» [16].

Как видим, сема «классовость» в доктринальном толковании осталась, но уже не как доминирующая, а как одна из дифференциальных сем данного понятия. Такое «уравнивание» этой семы с новыми, появившимися в значении термина в последние годы, свидетельствует о стремлении некоторых политических деятелей и юристов, наметившемся после распада СССР и изменения социально-экономического строя российского государства, объявить о деидеологизации общественной жизни, что на самом деле – ничто иное, как факт формирования новой идеологии, стремящейся затушевать классовую сущность вновь возникающих общественных и правовых отношений.

С явлением антонимии в юридической терминологии тесно связана проблема модальности, экспрессивности термина. Ряд исследователей склоняются

к тому, что термин неэкспрессивен и эмоционально нейтрален [17], другие приводят доказательства того, что данный признак лишь желаемый [18].

В. Н. Прохорова высказывает предположение, что в процессе употребления «носителями специальной терминологии» образность и эмоциональность термина, может быть, стираются и остается только слово (имеется в виду термин – *С. Х.*) или словосочетание как условный знак, соответствующий реалии» [19]. Однако мнение о наличии в содержании ряда терминов эмоционально-экспрессивного компонента учитывает лишь свойство формы и никоим образом не затрагивает его содержание. В таких случаях проявляется образно осмысленный признак названия как один из способов знаковой материализации содержания, столь же мало воздействующий на характер последнего, как и другие способы номинации [20].

В терминосистемах часто встречаются термины, образованные на основе метафорического переноса. Обычно такие термины проникают в терминологию из системы общелитературной лексики в разные периоды их формирования. Ср. технические термины: *стакан, палец, хвост*. Однако, войдя в терминологию, подобные слова развивают устойчивые связи с другими терминами, и для специалистов, пользующихся ими, они становятся названиями специальных понятий и теряют образность и экспрессивность. Юридический термин принципиально не может быть экспрессивным, т.к. право, в лице его представителей, которые должны быть беспристрастными, выступает в роли верховного арбитра между добром и злом, правомерным и противоправным. Речь законодателя, текст закона рассчитаны прежде всего на логическое восприятие, а не на эмоции [8, с. 22]. Тем не менее, одна из функций права – оценка явлений правовой действительности и действий, совершаемых людьми в обществе. Право, закон всегда оценивают действия, поступки индивидов по линии: правомерные/неправомерные (противоправные), проще – по линии: хорошо/плохо, или опасно/не опасно (для общества в целом, для законопослушного индивида), большой (*ущерб*)/незначительный. Поэтому в ряде правовых терминов присутствует оценочность, т.е. только один из видов коннотации.

Оценочный фактор считается одним из характерных признаков терминов общественных наук [21, 22]. По мнению В. М. Лейчика, оценочный признак присущ всем терминосистемам, поскольку наука не может быть полностью нейтральна, особенно на этапе первоначального наименования, когда проявляется отношение ученого к обозначаемому явлению. Однако в рамках терминосистемы модальность быстро исчезает. Но термины общественных наук сохраняют оценочный фактор на протяжении всего периода своего существования, т.к. они выражают понятия, актуальность оценки которых сохраняется постоянно.

Оценочный компонент значения термина достаточно устойчив, т.к. он образуется на реальных признаках явлений и выражает мнение об их желательности/нежелательности. Эта оценка не зависит от индивидуального употребления, а потому входит в качестве семантического компонента в значение термина. Она квалифицируется как интеллектуальная оценка социального характера, поскольку обнаруживает связь с рациональным, теоретическим осмыслением действительности [23], а следовательно, не зависит от контекста, в котором употребляется термин.

Оценка одних и тех же номинативных единиц в общем употреблении и в юридической терминологии может не совпадать. Так, слово *укрыть* в об-

щем употреблении несет положительную оценку: «спрятать где-л., защитить, предохранить от кого-л.» [24]. В юридической терминологии термин *укрывательство* отмечен знаком «минус»: «общественно опасная деятельность, заключающаяся в умышленном сокрытии преступника, орудия и средств совершения преступления, его следов либо предметов, добытых преступным путем» [11].

Таким образом, семантика термина обнаруживает как сходство, так и отличия от семантики общелитературного слова. Терминологическое значение – один из типов лексического значения, в основе которого лежит формальное понятие. В терминологии происходит сужение экстенции слова как за счет специализации его значения, так и вследствие ограничения значения слова в составе полилексемных терминов (*принудительное отчуждение, процедура вынесения вердикта*), «интенция которых тем выше, чем больше компонентов входит в словосочетание» [13, с. 125]. Значения ряда юридических терминов включают идеологический и оценочный компоненты. Тенденция к однозначности не исключает наличия в юридической терминологии многозначных терминов.

Список литературы

1. **Плотников, Б. А.** Основы семасиологии / Б. А. Плотников. – Минск : Высшая школа, 1984. – С. 108.
2. **Гринев, С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Моск. лицей, 1993. – С. 92–93.
3. **Герд, А. С.** Формирование терминологической структуры русского биологического текста / А. С. Герд. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – С. 13.
4. Юридический энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1997.
5. **Котелова, Н. З.** К вопросу о специфике термина / Н. З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970.
6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – М. : Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси.
7. **Кобрин, Р. Ю.** О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии / Р. Ю. Кобрин // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1976. – С. 174–175.
8. **Савицкий, В. М.** Язык процессуального закона: Вопросы терминологии / В. М. Савицкий. – М. : Наука, 1987.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : Юрид. бюллетень предпринимателя, 1997.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М. : Юрид. лит., 1996. – Ст. 727.
11. Юридический энциклопедический словарь. – М. : ИНФРА-М, 1997.
12. Юридический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1984.
13. **Суперанская, А. В.** Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989.
14. **Толикина, Е. Н.** Некоторые лингвистические проблемы изучения термина / Е. Н. Толикина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 60.
15. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – Саратов : Изд-во СВШ МВД РФ, 1996 – С. 42.
16. **Малько, А. В.** Экзамен по теории государства и права: 100 ответов на 100 возможных вопросов / А. В. Малько. – М. : Фирма Гардарика, 1996. – С. 31.
17. **Левковская, К. А.** Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М. : Высшая школа, 1962. – С. 203.

18. **Прохорова, В. Н.** К проблеме определения границ лексико-семантического образования терминологии (слова двойного функционирования – «потенциальные термины») / В. Н. Прохорова // Терминоведение. – М. : Моск. лицей, 1995. – № 2–3.
19. **Прохорова, В. Н.** Об эмоциональности термина / В. Н. Прохорова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М. : Наука, 1970. – С. 156.
20. **Толикина, Е. Н.** Синонимы или дублеты? / Е. Н. Толикина // Исследования по русской терминологии. – М. : Наука, 1971. – С. 88.
21. **Крючкова, Т. Б.** Особенности формирования и развития общественно-политической терминологии / Т. Б. Крючкова. – М. : Наука, 1989. – С. 110.
22. **Лейчик, В. М.** Особенности терминологии общественных наук и сферы ее использования / В. М. Лейчик // Язык и стиль научного изложения. Лингвометодические исследования. – М. : Наука, 1983. – С. 84.
23. **Широкова, Т. А.** Термины и терминология политической экономии социализма : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Т. А. Широкова. – М., 1978.
24. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. И. Евгеньевой. – 3-е изд. – М. : Русский яз., 1984. – Т. 4.